

Лин Сюань слегка приоткрыл рот, собираясь сказать, что, возможно, император уже спит, но в конце концов промолчал. Господин, конечно, знает, что делает, и подобные вопросы не должны задаваться подчиненными. Его предыдущий вопрос уже был некоторым превышением полномочий, но, к счастью, господин не стал его упрекать.

Они доехали до западных ворот дворца, и только тогда Цзи Цзинь натянул поводья. Конь слегка вздыбился, издал долгий крик и остановился.

Немедленно к ним подошел человек, одетый как евнух, склонился в поклоне и сказал:

— Его Величество уже предвидел, что князь сегодня вечером прибудет во дворец, и приказал мне ждать здесь.

Цзи Цзинь не спешил, лишь сидел на коне и слегка кивнул, спокойно сказав:

— Благодарю вас, господин.

Евнух поклонился:

— Не стоит благодарности.

Стража уже вовремя открыла ворота, и евнух повел Цзи Цзиня и его спутников внутрь.

С самого детства Цзи Цзинь входил и выходил из дворца, как из собственной резиденции, и знал его как свои пять пальцев. Пройдя первый поворот, он уже понял, куда их ведет евнух, и спросил:

— Его Величество все еще в кабинете?

Евнух сразу ответил:

— Именно так. Узнав, что князь вернется сегодня вечером, Его Величество приказал ждать в кабинете.

Цзи Цзинь слегка кивнул и больше ничего не сказал.

Приближаясь к кабинету, Цзи Цзинь сошел с коня. Лин Сюань, следовавший за ним, тут же подошел и взял поводья. Цзи Цзинь тихо приказал:

— Вы трое идите отдохнуть. Когда нужно будет вернуться в резиденцию, я пришлю за вами.

— Слушаюсь, господин, — Лин Сюань склонил голову.

Евнух у дверей объявил:

— Ваше Величество, князь прибыл.

Из-за двери раздался ясный голос, не слишком громкий, но с едва уловимой властной интонацией:

— Войдите!

Евнух тихо сказал:

— Пожалуйста, князь.

Он открыл дверь и отступил в сторону.

Цзи Цзинь вошел, и евнух закрыл дверь за ним. Едва он вошел в кабинет, как заметил уголок желтого одеяния и снова услышал тот же ясный голос, на этот раз смеющийся:

— Шэнь Чжи, ты прибыл на час раньше, чем я ожидал.

В голосе стало меньше властности и больше радости.

Цзи Цзинь шагал вперед не спеша, слегка улыбнулся и ответил:

— Ваше Величество приказали, и я поспешил, не смея медлить.

Слова были почтительны, но тон был спокойным, словно это была просто дружеская беседа.

Несколько шагов — и он увидел сидящего за столом человека, который и был императором Великой Ци, Сюэ Чан. Сейчас Сюэ Чан уже сменил парадное одеяние на обычное, волосы были собраны, но корона была снята.

Хорошая внешность, унаследованная от предков, в Сюэ Чане проявлялась особенно ярко. Его лицо было словно высечено из нефрита, невероятно красиво, но в глазах не было мягкости, присущей обычным аристократам, а скорее чувствовалась некая грозность. Даже в легкой улыбке чувствовалась властность, накопленная за годы правления.

С юных лет Сюэ Чан и Цзи Цзинь были известны в столице как красивые молодые люди, не только талантливые в литературе и боевых искусствах, но и вызвавшие восхищение у многих девушек и знатных дам. Если бы не их высокий статус, сваты, вероятно, уже снесли бы пороги их домов. Они были неразлучны, как две половинки одного целого, и их часто сравнивали друг с другом. Даже в столице шли споры о том, кто из них лучше. Что касается внешности, оба были на высоте, но каждый по-своему. Цзи Цзинь был более свободным и элегантным, а Сюэ Чан — более изысканным и утонченным. Что касается статуса, один был князем, другой — наследным принцем, оба были недостижимы. Споры продолжались около года, и сторонники каждого из них прикладывали немало усилий, чтобы доказать превосходство своего фаворита, но в итоге все свелось к тому, что каждый остался при своем мнении. Оба главных участника этой скрытой борьбы, конечно, ничего не знали, и даже те, кто знал об этом, не могли повлиять на их дружбу.

Много лет спустя Сюэ Чан вззошел на трон, и заботы о государстве, интриги при дворе сделали его более серьезным, в его взгляде стало меньше легкости, а больше остроты. Цзи Цзинь, как важный чиновник, находящийся на вершине власти, был предметом зависти и восхищения, но и давление на него было огромным. К счастью, с юных лет Цзи Цзинь был осторожен и рассудителен, и за годы службы не дал повода для критики. Оба были заняты государственными делами и редко появлялись в обществе, но легенды о них в столице никогда не утихали.

С юных лет их дружба была особенной, но теперь они были государем и подданным, и на людях они строго соблюдали придворный этикет. Только наедине они могли немного расслабиться. Однако в последние годы государственные дела занимали так много времени, что свободные моменты стали редкостью, и чаще всего они просто обсуждали дела в другом месте. Иногда, вспоминая о беззаботных днях юности, даже такой свободолюбивый человек, как Цзи Цзинь, не мог не почувствовать легкую тоску.

На этот раз Цзи Цзинь покинул столицу более чем на три месяца, с тех пор как первые бутоны персиков только начали появляться в столице, и до того, как пруды покрылись цветущими лотосами. Это была их первая столь долгая разлука. Однако дело было слишком важным, и если бы не Цзи Цзинь, Сюэ Чан не доверил бы его никому другому.

За годы дружбы, особенно после того, как они оба занялись политикой, между ними не раз возникали разногласия. Со временем даже между близкими людьми могла возникнуть трещина. Тем более, что быть рядом с государем все равно, что быть рядом с тигром, и сердце государя — самое непредсказуемое. Даже такой осторожный человек, как Цзи Цзинь, иногда чувствовал усталость. Перед отъездом из столицы между ними даже возник небольшой спор по поводу назначения министра ритуалов, и к моменту отъезда Цзи Цзиня атмосфера между ними была далеко не радостной. Теперь, когда Цзи Цзинь вернулся, три месяца разлуки словно стали толчком, развеявшим прежние недопонимания. Выражение лица и поведение Сюэ Чана словно вернулись к тем временам, когда он еще не был на троне, и их общение было естественным и близким. Цзи Цзинь, казалось, тоже почувствовал это и расслабился, став немного более непринужденным.

Сюэ Чан, похоже, не спешил обсуждать дела, вместо этого улыбнулся и сказал:

— Вчера Чэн Шиюань принес мне древнюю партию вэйци, и я только что нашел способ ее разгадать. Хочешь попробовать, Шэнь Чжи?

Цзи Цзинь улыбнулся, сделал шаг вперед:

— Позвольте мне попробовать.

Цзи Цзинь подошел к столу, откинул полы одежды и сел напротив Сюэ Чана.

На столе лежала доска для вэйци из дерева кайя, на ней была незаконченная партия. Черные и белые камни были разбросаны в беспорядке, и на первый взгляд казалось, что любой ход приведет к обоюдному поражению.

Сюэ Чан указал на доску:

— Шэнь Чжи, ты играешь черными, следующий ход за тобой.

Цзи Цзинь внимательно посмотрел на партию, сначала удивился, а затем невольно улыбнулся. В этот момент Сюэ Чан, опустив глаза на доску, не заметил этой легкой улыбки, иначе, зная друг друга так хорошо, он бы сразу заметил что-то неладное.

Подумав совсем немного, Цзи Цзинь взял камень и поставил его в левом верхнем углу, сделав разрыв.

Эта скорость уже удивила Сюэ Чаня, а когда он увидел, куда был поставлен камень, его удивление усилилось.

Хотя Сюэ Чан говорил об этом довольно легко, на самом деле, сразу после утреннего совета Чэн Шиюань принес эту древнюю партию, и они провели всю ночь, изучая ее, прежде чем нашли способ разгадать. Зная, что Цзи Цзинь сегодня вечером вернется во дворец, они специально выставили эту партию. Уровень игры Цзи Цзиня был примерно таким же, как у него, и рядом не было такого мастера, как Чэн Шиюань, поэтому он должен был изрядно поломать голову над этой партией.

Однако сейчас Цзи Цзинь не только думал гораздо быстрее, чем он ожидал, но и первый ход оказался совсем не таким, как те, которые они изучали всю ночь.

«Может быть, он просто поставил камень наугад?» — Сюэ Чан лишь на мгновение подумал об этом, но сразу отверг эту мысль.

Цзи Цзинь никогда не был таким неосторожным. И этот ход был весьма тонким.

В этой части доски белые имели преимущество, а черные были прижаты к низу, и шансов на побег почти не было, единственная возможность — выжить на месте. Однако ход Цзи Цзиня, похоже, не был направлен ни на выживание, ни на побег, а скорее напоминал самоубийственную атаку.

Это совсем не похоже на ход, который мог бы сделать Цзи Цзинь.

Хотя Сюэ Чан и сомневался, они с Чэн Шиюанем долго изучали эту партию, и все возможные варианты были рассчитаны, поэтому он чувствовал себя уверенно. Если противник сам подставляет камень, то, конечно, не стоит упускать возможность, и он взял белый камень, чтобы заблокировать ход.

<http://bllate.org/book/16684/1531182>